

РЫБЫ В БАНКЕ

Истеричная муха долбила своим хоботком мутное стекло, за окном галдели люди, домком перед ними тряс мятыми бумажками и повторял «трубы», кастрированный кот не терял надежды и, урча, любил махровый халат хозяйки, на плиту из кастрюли выпрыгивал мясной бульон, пыль хлопьями оседала на поверхности, предупреждая о скором начале знойного азиатского лета. Суэта подменяла жизнь.

Николай Степанович сидел за большим кухонным столом, одной рукой придерживая костыль, другой — листая рекламную газету. С недавних пор он пристрастился к отечественной прессе и покупал все газеты, где имелись рубрики «требуется» и «сканворд». Когда именно страсть к информации овладела его рассудком — после увольнения или перелома, сказать трудно, но несколько неизвестных слов из сканворда дважды отвлекли его от мыслей о суициде.

После пышного юбилея в ресторане жизнь его словно пошла под откос. И главное так равномерно и последовательно пошла. Спустя неделю после высокопарных тостов про золотую середину жизни, отдел, где он числился начальником, упразднили, и тех, кто помоложе, раскидали по филиалам, а перед ним развели руками и, выплатив выходное пособие, дали пинка под зад. Он еще и очухаться не успел от этих впечатлений, как в отчий дом со словами «все

мужики козлы» вернулась недавно ушедшая замуж дочь. Если бы закончилось все на этом, можно было бы попробовать удариться в религию или начать пить, но ни то, ни другое успеть Николаю Степановичу не удалось, потому что еще через неделю сын разбил его машину, а через три дня Николай Степанович на ровном месте сломал ногу.

— Порча, — авторитетно заявила соседка Галка, увидев Николая Степановича на костылях и начала с удвоенной силой строить ему глазки.

— Что я, сметана? Портиться? — ответил на ее заявление Николай Степанович, но зерно сомнения упало на благодатную почву, и ему стали сниться тревожные сны.

То идет он в порванной одежде по полю и начинается дождь, а укрыться негде. И тогда он пытается бежать, но ноги не слушаются и вязнут в мокрой земле, а земля оказывается болотом, которое с жадностью голодного зверя пытается его поглотить. Он кричит, сопротивляется, но его никто не слышит, и дождь усиливается, грязные ручьи текут по его щекам и тело все глубже погружается в трясину... То будто заходит он в свой гараж, а там не горит свет. Он хочет поменять лампочку, подходит к шкафу, чтобы взять новую, открывает дверцу, а оттуда на него валятся куски человеческих тел. И вроде как он узнает их. Вот рука жены, нога дочери, голова сына. Он в ужасе пытается закрыть дверцу, но она не поддается. Вместо этого закрываются ворота гаража, наступает мрак, а из шкафчика на него все валится и валится что-то влажное и холодное...

Впрочем, заканчиваются все его сны одинаково, он получает под дых и просыпается. Это во сне жена обычно задевает его своей крупной мясистой коленкой. Николай Степанович открывает глаза и, чуть отдышавшись, начинает перебирать в памяти события последних лет. Все пытается понять, где допустил ошибку, что сделал не так, где был слишком мягок, где недопустимо тверд. Где оступился на работе, почему после стольких лет его так просто вышвырнули, с чем он не смог справиться, под кого не смог подстроиться... А иногда уставится на спящее, припухшее лицо женщины, что лежит с открытым ртом на соседней подушке, и не может понять, что делает рядом с ним это тело. Приоткроет для верности одеяло, осмотрит обмякшее бесформенное туловище, даже иной раз ноздрями как конь поведет, потом выдохнет, откинется на свою подушку и, не моргая, смотрит в потолок: «Как все это могло случиться с ним?»

— Что, так сложно окно открыть? — услышал за спиной Николай Степанович высокий голос жены и вздрогнул от неожиданности. Насекомое на «б», самка которого съедает самца сразу после спаривания, полностью овладело его сознанием, он даже не услышал, как кто-то вошел в квартиру.

«Обязательно нужно проникать в квартиру как ниндзя? Всю жизнь крадешься со спины», — поговорил сам с собой Николай Степанович.

— Бульон весь выкипел, в квартире, как в бане, а мы тут как обычно сканворды думаем. Я вообще не знаю, как тебя держали на работе, у тебя же мозг атрофирован!

Еще совсем недавно Ниночка, закатывая глаза, не без кокетства жаловалась подругам: «Знаете, каково это жить с человеком, который просто всем необходим? На работе же без него ни на шаг, все на нем на одном. И все эти заграникомандировки постоянные...»

— Ну и что ты на меня уставился? Окно открой!

Николай Степанович встал и, направляясь к окну, задел загипсованной ногой табурет. Табурет упал на сидящего рядом кота. Кот метнулся на подоконник и снес с него цветок в горшке. Горшок разбился, цветок сломался, земля рассыпалась по всей кухне. Николай Степанович замер и, прислонившись к стене, решил, чтобы исключить дальнейшие разрушения, больше не двигаться. Стоя на здоровой ноге, он отчетливо ощущал дрожь в поврежденном колене.

— Чудовищное порождение Андерсена! И мать твоя оловянная ложка! — выругалась жена и, сверкнув глазами, вылетела прочь из кухни.

Николай Степанович мысленно переварил ее ругательство и все-таки приоткрыл окно. Дышать в квартире становилось все труднее. Не то, чтобы язвительные замечания жены были для него в новинку. Нет, острой на язык она была с юности. Но тогда все эти ее подковырки забавляли его, добавляли перчика в их отношения, он восхищался трезвостью ее мысли, метафорам и полету фантазии. Даже его мать, та еще мастер слова, иной раз не знала, что ответить снохе и за глаза с чувством описывала ее родне: «Щупленькая как птичка, но как рот откроет, спасайся, кто может. С виду ангел, внутри же чертовка». Молодой, добродушный Коля смеялся над словами матери и души не чаял в Ниночке. С годами Ниночка отяжелела и телом, и характером. Одно дело, когда оловянным солдатиком тебя называет воздушное существо в прозрачной маечке, и совсем другое, когда стокилограммовое чудовище с беспощадным взглядом зовет тебя сыном оловянной ложки.

В дверь позвонили. Николай Степанович бросился на звук, как собака Павлова, и снова, забыв про гипс, налетел в прихожей на старое трюмо, с края которого слетела декоративная фарфоровая пепельница. Через секунду в тесной прихожей была Ниночка.

— Ты это специально, да? — прошипела она и, открыв дверь, набросилась на стоявшую на пороге дочь.

— Вик, ну когда ты уже не будешь забывать ключи? Вот же они висят! Что так трудно взять их? — голос Нины срывался.

— Что тут у вас произошло? — поприветствовала родителей дочь.

— Ничего особенного. Просто отец, разрушив свою жизнь, решил разрушить и мою. — Голос Нины взлетел, и она театрально заплакала. Увидев разгром на кухне и поняв, кому придется все это убирать, Виктория тяжело выдохнула.

— Все мужики одинаковые, — приподняв носик, заключила она.

Николай Степанович узнал в дочери молодую жену и, тряхнув, словно от наваждения, головой, зажмурился.

— Пожалуй, я пойду, прогуляюсь, — неуверенно, словно отпрашиваясь, пролепетал Николай Степанович и, как был в старой застиранной футболке с дыркой на плече, так и пошел.

— Конечно, иди! Отдохни! Ты же не ставил полдня капельницы молодым завтракам! — услышал он уже на лестничной площадке из-за закрытой двери голос жены.

Яркий свет ударил в глаза Николаю Степановичу, стоило ему только приоткрыть подъездную дверь. Запах мочи и цветущей сирени закружили голову. Он, словно старик, оперся о дверь и почувствовал себя потерявшимся мальчиком. Когда-то в детстве мама потеряла его на рынке, и он так же беспомощно стоял у мясного павильона и не знал, что делать. Когда каждый день ходишь на работу или по делам и маршрут твой расписан по минутам, дорога из дома кажется ничем не примечательной и до боли знакомой. Но когда тебя никто нигде не ждет, не знаешь, как преодолеть и несколько метров. Просто не знаешь, в какую сторону идти и все вокруг кажется чужим и враждебным.

— Николай Степанович, вам помочь опуститься? — услышал он за спиной голос соседки Галки.

— Ниже уже некуда... — пробубнил сам себе он и, словно солдат из фильмов о Великой Отечественной, опираясь о костыли, спустился с крыльца и заковылял вперед. Все равно куда, лишь бы подальше от дома.

Он шел, чуть опустив голову, потому как ему казалось, что все смотрят на его костыли, на его гипс, на его рваную футболку. Ему казалось, что над ним похихикивают две молодые девчонки, только что обогнавшие его. Ему казалось, что он

вызывает у прохожих жалость и презрение. Он привык выглядеть сильным, успешным. Ходить с высоко поднятой головой, в костюме и галстукe, в неловкие моменты поглядывать на часы, торопиться, не замечать никого вокруг.

В кармане его штанов забренчал мобильный. Он остановился и с тревогой нажал на зеленую кнопку.

— Пап, привет. Слушай, у меня проблемы. Мне срочно нужны деньги! — сын говорил, как обычно, сбивчиво и громко, из трубки шел гул общественного места.

— Привет, сын... — с какой-то безнадегой в голосе проговорил Николай Степанович.

— Па, я говорю, мне нужны деньги! — выкрикнул из трубки требовательный голос.

— Ну, так заработай! — крикнул в ответ ему Николай Степанович.

— Так у меня же институт! — прокричал ему сын.

— Ну, брось его! — ответил Николай Степанович и нажал на красную кнопку.

Навстречу ему ехал мужчина на спортивном велосипеде. Он показался Николаю Степановичу совершенно счастливым. Николай Степанович даже обернулся ему вслед и попытался вспомнить, катался ли он когда-нибудь после школы на велосипеде. Память подсказывала, что последний раз он крутил педали в десятом классе перед экзаменами. Мать его еще гоняла за это, боялась, что не сдаст русский язык...

«Вот срастется кость, и куплю себе велосипед... Мужик-то седой почти, а в глазах азарт», — он в первый раз после того, как его уволили, дрогнул губой и подумал о чем-то приятном. В кармане снова зазвонил телефон.

— Ты, я смотрю, на старости лет совсем с катушек слетел! — кричала из аппарата жена. — Ты зачем заставляешь Димку институт бросить, а?

Николай Степанович отключил телефон и обессиленный присел на разбитую скамейку. Страшно захотелось есть. Он представил, как было бы замечательно сейчас взять кружку свежего пива и пару палок сочного шашлыка. Но в кармане кроме выключенного телефона и счета за электричество ничего не было.

И тогда он поступил как настоящий забулдыга. Подошел к ближайшему магазинчику и предложил свой телефон. Продавец, молодой парень в яркой майке, долго смотрел сначала на телефон, потом на дырку на футболке Николая Степановича, потом на его залысины, потом на костыли и снова на телефон. Когда мальчишка выложил ему на прилавок несколько мятых купюр, Николай Степанович почувствовал, что черная полоса в его жизни закончилась, и с видом человека, выигравшего в лотерею, не чувствуя земли под костылями, вышел из магазина.

Дойдя до ближайшего кафе и выпив кружку пива, он немного расслабился и пока готовился его шашлык, сидел и смотрел по сторонам. За соседними столиками люди сидели небольшими компаниями, по пять, четыре, три, два человека. Он единственный дожидался своего шашлыка в одиночестве. Это его не смущало, но наводило на неприятные мысли. «Когда я последний раз сидел душевно с компанией? Не-не-не, ресторан и коллеги не в счет... Так, чтобы можно было поговорить... Чтобы послушали, поняли и разделили... Вот мужик сидит с женщиной, вроде и не красавица она и мозгов, может, кот заплакал, а как смотрит на него, как слушает... Нинка бы щас тут устроила разнос официантам: и что долго не несут, и что столики с крошками, и что салфеток нет... Да и вообще, не зашла бы она сюда. Побрезговала бы. Не говоря о том, чтобы слушать меня».

Николай Степанович выпил еще кружку пива и разглядывал окружающих людей, уже облокотившись о спинку пластикового стула и вытянув ногу в гипсе во весь проход.

«Собственно, с кем бы я вообще мог прийти сюда?» — Николай Степанович напрягся, как перед прыжком, и не прыгнул. Оказалось, нет у него ни друзей, ни

приятелей, ни собутыльников. Потому что для дружбы особый талант нужен, много эта дружба отнимает душевных сил, а он все свои силы истратил на угоду Нинке. Приятелей тоже не завел, кому же приятно с подкаблучником общаться, ну, а собутыльники еще в юности отпали, как сомнения у маньяка при виде жертвы. Кто ж решится пить, когда все время рядом Нина.

Когда принесли шашлык, Николай Степанович уже был самым собой и улыбался официантке. И люди вокруг стали доброжелательнее, и на свой внешний вид ему было наплевать. Он со вкусом жевал жареное мясо и руками ел лук, он не боялся ни капель соуса на своих штанах, ни общественного мнения, ни счета. Ему было хорошо.

Выпив еще одну кружку пива и впервые в жизни оставив щедрые чаевые официантке, Николай Степанович вышел из кафе и направился домой. За углом он обнаружил небольшой зоомагазин и с глазами ребенка вошел в него. В большом подсвеченном аквариуме плавала золотая рыбка, о которой он мечтал с детства. Животинка, на которую не было денег у его матери и которая не вписывалась в интерьер квартиры, по мнению его жены. Глядя на висящих в воде рыб, Николай Степанович ощутил то, что в сканвордах занимает целых четырнадцать кубиков и, по мнению эрудитов-составителей, является синонимом пресыщения и довольства.

— Дайте мне эту рыбу, — дрожа от волнения, сказал Николай Степанович продавщице. Он не мог в этот момент думать ни о том, что у него еще нет ни аквариума, ни всех этих приспособлений с трубками, ни корма — ничего. Он знал только одно — если он не купит эту рыбу сейчас, он не купит ее уже никогда.

— Я вам ее могу отсадить в банку. Но как же вы ее на костылях... — девушка еще не успела договорить, как Николай Степанович отставил один костыль в сторону.

— Я один здесь оставлю, завтра сын за ним придет. И аквариум купит, и все, что еще к нему нужно...

Когда Николай Степанович вошел в квартиру, у него перед глазами все поплыло, люстра закачалась, уши заложило.

— Господи! Коленька, что с тобой? Дай скорее сюда банку, пока не разбил, — жена выглядела взволнованной и какой-то очень родной.

— Знаешь, Нина, я понял, из-за чего у нас все пошло под откос... Из-за нее... — Николай Степанович указал пальцем на рыбку в банке.

— Из-за рыбы? — сморщившись, уточнила Нина.

— Из-за нее, — ответил Николай Степанович, сползая вниз по стенке в зале, но при этом держа на весу ногу в гипсе. — Я же все для тебя жил: ни пил, ни гулял, на рыбалку даже с мужиками не ездил. А ты...

— Ну, что? Что я? — как всегда перебила его жена.

— А ты меня даже мне не оставила. Все под себя как клуша подгрребла. Душу мою вытрясла. Кровь мою выпила. Сам виноват, конечно. Дурак. Влюбился в тебя и все тебе разрешил.

— Ну а рыба-то... это тут при чем? — взвизгнула Нина.

— А при том. Не помнишь уже, поди? Купить я ее хотел на день рождения себе, через неделю после свадьбы. А ты посчитала, сколько аквариум стоить будет, разревелась. Сказала, что я только о себе думаю. И я поддался. И выпустил монстра на свободу... И ты, и твоя мама...

Речь Николая Степановича становилась бессвязной и все более монотонной. Спустя пару минут он сполз по стенке окончательно и громко захрапел. Нина подошла к мужу, беззлобно ткнула его кулаком в грудь, сняла с него обувь и накрыла старым пледом. Потом села на пол рядом со стеклянной тарой из зоомагазина и улыбнулась.

— Ну что, рыба? Добро пожаловать в нашу банку...

В ушах еще гудит, только поэтому я не кричу. Не кричу от ужаса. Тишина в темноте — словно натянутый на голову черный мешок, не дает дышать. Хочется сорвать с себя удушающий полиэтилен, глотнуть воздуха, открыть рот и облизнуть губы. Но я лежу не шелохнувшись. У меня нет сил даже на то, чтобы открыть глаза.

Если бы меня попросили коротко описать свою суть, начала бы я так: «Вся моя жизнь — это бег с завязанными глазами. Когда понимаешь, что летишь в пропасть, но даже не пытаешься что-то изменить. Когда главной мелодией и смыслом становится белый шум. Не то пух, не то снег. Легкий, гулкий, прозрачный».

Я выросла в самом шумном районе города. Рядом с самой болтливой женщиной на свете. И днем и ночью тысячи барабанов, трамваев, водопроводов, кастрюль и живых существ вокруг шептали, кричали, гудели, пыхтели. Шум стал частью меня. Или я стала его частью. Мы срослись и обрели гармонию. Но в этом месте, в этой квартире, в этой постели... Ну не бывает так в большом городе. Не бывает так тихо.

Сама она никогда не ходила на похороны. Отошлет букетик по адресу очередной подружки, купит себе еще одни кружевные перчатки — вот и все дела. Неплохо это у нее получалось. Глаза всегда ясные, руки чистые.

Она не думала ни о ком, кроме себя. Жила в свое удовольствие. Умерла демонстративно. Налила себе в бокал красного вина, нажала в пальцах сигарету, присела на этот чертов диван и — нате вам! Открытые навывкате глаза, разинутый рот, из-под шелкового халата кружевное белье. В восемьдесят шесть — кружевное белье! Вот что она была за человек такой — моя бабка?

Мама рыдала, конечно. Целовала ее холодные акриловые ногти. Заходила в слезах. Всклипывала и икала. Я совала ей под нос нашатырь и не могла оторвать взгляда от бабкиного лица. По части маскарада равных ей не было. Пару раз мне показалось, что она подмигивает. Стекло глаз тускнело, но не желало расставаться с огнем. Приехавшие врачи вели себя как идиоты — улыбались друг другу, маме, безжизненному телу, мне. На них произвели впечатление бабулины декорации и шелковый халат с черными драконами. Что с них взять? Приспешники Гиппократы. Приволокли свои дурацкие носилки, уронили бабулю. Просто взяли и уронили. Выражение ее лица изменилось. Я видела. На нем четко обозначилось: «Придурки!» Мне показалось, все услышали это ее любимое слово. В нем не было ни злости, ни отчаяния. Просто констатация факта. Без эмоций.

Когда ее увезли, мама сказала, что нужно срочно мыть полы. Мыть от порога вглубь квартиры. Завесить зеркала. Неделю не раскрывать. Ни за что! Также она сказала, что бабушкину одежду нужно отнести в церковь и раздать нуждающимся. Я в который раз раскрыла бабкин шкаф, задыхнулась ароматом ее горьких духов и поняла, что привезенных одежд нуждающиеся не поймут.

В шкафу покоился гардероб знатной ведьмы. Где-то среди перьев, бус, перстней и мундштуков, скорее всего, хранился цианистый калий и сушеные мыши. Просто мы пока этих сокровищ не обнаружили. Они непременно должны были там быть. Уж я-то знаю свою бабку.

Мама на некоторое время сошла с ума и ходила от окна к окну, прижав к себе бабушкину накидку. Она была похожа на маленькую потерявшуюся девочку: выглядывала во двор, будто кого-то ждала, прислушивалась к шагам за входной дверью, втягивала, словно черепашка, свою голову в панцирь шерстяного свитера, стучала костяшками пальцев по столу и несла несусветную чушь про то, что теперь у меня есть собственная квартира и что я должна оставить в ней все так, как есть.

А есть в ней — много чего. Большой, в стену, книжный шкаф с потертыми, заласканными корешками чужих жизней, рояль, крышка которого не открывалась лет двадцать, темный кривоногий бельевой комод, огромный с каким-то востоком, магией и сухими духами платяной шкаф. И самое главное — ужасный диван. Подлокотники и спинка — резные, твердое сиденье обтянуто песочным жаккардом. Я не знаю, как на нем можно было спать. Склоняюсь к тому, что бабуля просто не спала. Сколько я себя помню, а это почти тридцать лет, у нее никогда не было кровати. Только этот узкий, несуразный, неудобный диван. На нем и сидеть-то было наказанием. Подойдешь к нему, он тут же ошетинится — пихнет тебя в бок или под коленку своим твердым подлокотником, выгнет, как старая кошка, свою костлявую спину, обивка будто потемнеет, отпрянешь от него, домой запросясь.

А бабке все весело было. Конечно, она на нем не спала. Только ночь, она — на метлу в халате своем с драконами, и над городом кружить. Теперь даже не сомневаюсь.

Бабуля была сухой. Нет, не так. Она была миниатюрной женщиной. С тонкой костью. А если еще точнее, она была словно вырезана из слоновой кости. У нее не было морщин. Совсем. Ровная спина, гладкие волосы, уложенные в прическу, открытый взгляд...

Так, все, хватит! Не поминать к ночи. Заходила мамина подруга и сразу сказала: «Не вздумай поминать к ночи и не спи на ее диване». Потом подумала и добавила: «И вообще никогда не спи на диване. Это та еще зараза. Одиночество. На всю жизнь». Зачем мама с ней дружит? Увела ведь у нее из-под носа единственного кавалера, просто ради спорта увела. Мозг ему съела, душу вытрясла, из города уехать заставила. Теперь ходит, советы раздает, где и на чем людям спать, змея подколотная.

А бабуля была хоть и миниатюрная, но костлявая, как щука. Диван сохранил в своей памяти каждую ее косточку. Все они отпечатались и застыли навечно в прессованном поролоне под жаккардовой обивкой. Лежу на этом чудовище, как в раскрытом саркофаге. Пытаюсь совпасть с выемками и складками. Тщетно. Ног не чувствую. Кажется, сейчас задохнусь.

Задохнусь от ужаса и этого запаха. Зачем же она так много курила? Будто носом окунули в пепельницу. В горле горечь, на языке вкус табака. Невозможно! Вот только мама немного придет в себя, сделаю тут ремонт. Выскребу прошлое до каркаса, фундамента и цемента. Выброшу всю эту рухлядь. Тут будет много воздуха и света. Сделаю из квартиры студию. Вместе с этими старыми обоями сожгу все неудачи нашей семьи. Не повторю судьбы своей бабки и мамы. Ни за что! Доработаю уже этот год и уволюсь из школы! Пусть другая дура возится с этими сопливыми неучами и вбивает им в головы «не» с глаголами. Представляю выражение лица завуча — этой старой крикливой тетки, ненавидящей все живое, когда я скажу, что уйду. Покроется, как обычно, пятнами, голос заскрипит, рукав пиджака задергается и только прическе ничего не делается. Ни один волосок не шевельнется на ее тупой, политой лаком башке...

Павлику скажу: «Настало время делать выбор». Или я, или она. Вернее — оно со своим куриным царством. Да, лучше не скажешь — сонное куриное царство. Квочка с борщами и пеленками. Конечно, он ее жалеет. Как пожилую родственницу.

Смешной такой Пашка, хотел сегодня ночевать тут со мной. И что бы мы с ним делали на этом диване? Вдвоем тут при всем желании — никак. Сидел бы в ногах моих, гладил, как больную кошку, в лицо бы заглядывал. Я бы раскисла, наговорила бы ему книжных текстов. Глаза бы закатывала, поправляла прическу и постоянно думала о том, как выгляжу. Дышала бы грудью и все время искала бы

нужной позы, чтобы он видел, как прекрасно мое тело. В конце концов, все равно оказались бы мы под одним одеялом. Резная спинка ударялась бы о стену, словно по дому ходит разгневанный призрак... Господи! Дебилка...

Не нужно здесь Пашки. Ни сегодня. Никогда. Десять минут в сутки — мужик. Все остальное время ему нужна мамочка. Наседка. Чтобы кормила, трусы стира-ла, в рот заглядывала, говорила, как жить...

Мысли, как сцепленные вагоны, несутся одна за другой. Остановитесь, залет-ные!

Завтра же прическу сделаю, как давно хотела. Короткую-короткую. Один сантиметр волос оставляю. И покрашу в синий цвет. Вот, хочу так. Со школы хочу ведь. И еще платье куплю новое. Как то, в котором бабу хоронили. Тьфу. Дура.

Но честно, мы ее похоронили в шикарном платье. Мама сказала, что все должно быть по уму. И хоронить нужно во всем новом. У бабушки полный шкаф платьев — на любой случай можно наряд найти. Я где-то читала, что у каждой уважающей себя старухи есть припасенное на смерть одеяние. Но наша-то, конечно, помирать не собиралась еще лет сто, потому и пришлось нам для этой церемонии искать ей платье самим.

Это был самый ненормальный шопинг в моей жизни. Бабушка любила только натуральные ткани, только натуральные кружева. Чтобы без всякой синтетики. Билась насмерть с рюшами и воланами. Носила только приталенные модели. Считала, что торжественное — это обязательно до щиколоток. Понятное дело, что такие платья на каждом углу не валяются. Мы поперлись с маман по самым претенциозным местам. Родительница моя очки темные надела, нос красный торчит, руки трясутся. Ищем черное платье. Только слепой не поймет, в чем дело, но глаза-стые лани из бутиков дальше своего вымени ничего не видят, и потому то предлагали нам тряпку напрокат, то желали веселого праздника. Пока нашли то, что нужно, дважды пришлось приводить маму в чувства...

Где-то в шкафу что-то скрипнуло. По спине пробежало стадо мурашек или, как сейчас принято говорить, бабочек. Вот бабочки промчались толпой куда-то вниз, переломали себе крылья, чертыхаясь, завалились под кровать, и снова стало невыносимо тихо. Я сжала кулаки, только руки под одеялом еще способны были меня слушаться. Остальное тело больше мне не принадлежало. Оно стало частью бабушкиного дивана. Я приказала себе заткнуться и немедленно уснуть. Мысленно нарисовала жирного барана и посчитала его. В шкафу скрипнуло еще раз. Я услышала стук собственного сердца. Стук громкий, неровный, тревожный. Мне захотелось закричать. Но вместо этого я сказала вслух: «Ну, если пришло время выходить из шкафа скелетам, что ж, добро пожаловать!» И тут же прикусила язык. Больно.

В шкафу скрипнуло увереннее и раздался щелчок. Послышался звук спускае-мой воды. Я поняла, что стена бабушкиного шкафа — это также стена соседской убор-ной. Мне стало стыдно за себя, за убиенных капустниц, за всех подозреваемых скелетов, и я просто встала и, не включая свет, подошла к окну.

На горизонте висела светлая полоса. Казалось, до нее можно дотянуться. Я открыла окно и вдохнула запахи приближающегося утра. Захотелось покурить бабу-линых сигарет. Первый затяг был тяжелым, как кусок торта «Наполеон». Я с тру-дом его проглотила. Со вторым было легче. Третий же придавил меня словно над-гробная плита, меня затошнило, и я облокотилась о подоконник. На краю подо-конника лежала толстая тетрадь.

«Только этого мне для полного счастья сегодня и не хватало», — пронеслось в голове на жесткой сцепке. «А может, это просто адреса и телефоны», — вставила я запасной вагон и включила ночник.

«Вся моя жизнь — бег с завязанными глазами. Когда понимаешь, что летишь в пропасть, но даже не пытаешься что-то изменить. Когда главной мелодией и смыслом становится белый шум. Не то пух, не то снег. Легкий, гулкий, прозрачный», — прочитала я на первой странице и почувствовала, как под ногами качнулся пол.

— Бабушка, бабулечка... — зашумело в ушах и я, кажется, заплакала.

ШАХНОЗА

— Ну, ладно, он — идиот, давно из ума выжил, но ты-то мог догадаться, чем нам встанет этот сюжет! — Светлана Филипповна запрокидывала голову, как заганнанная лошадь, при каждом новом предложении, забыв о том, что у нее уже неделю как новая прическа «под мальчика» и больше нет длинных посеченных на концах волос. Раньше она запрокидывала голову, чтобы поправить челку, и в этом даже был шарм: волосы ее подпрыгивали и трещали, как высоковольтные провода, будто в них концентрировалось все ее электричество. Теперь, когда ток прятался где-то в других уголках ее тела, привычка закидывать голову производила угнетающее впечатление на ее подчиненных.

Валерка, который должен был догадаться, что перекрывать закадровый текст сюжета о светлом будущем мордами людей из команды беглого президента — провокация, стоял, опустив плечи, и изредка поглядывал на выпускающего редактора. Редактор жадно курил, зажав сигарету между указательным и большим пальцем и ему было совершенно плевать на то, что его прилюдно называют идиотом, он думал лишь о том, как выкручиваться, если лишат премии. Кредит за машину, который он взял в прошлом году, оказался тяжелой ношей и грозил потерей родительской квартиры. Алексей был неплохим редактором и прекрасно правил тексты, но в последнее время стал невнимательным по отношению к видеоряду и все чаще повторял: «Глаза бы мои не видели эти новости».

Шахнозка сидела в углу кабинета и пыталась слиться со стенкой. Хотя сотрудники телеканала и варятся в одном котле и знают друг о друге практически все, ей всякий раз было неловко, когда шефиня в ее присутствии оскорбляла мужчин. Она выросла в традиционной мусульманской семье, где слово отца было законом, и мать не то что не повышала голоса, она глаза-то свои поднимала только когда в доме оставались одни дети.

Занесла Шахнозу на телевидение счастливая случайность — болезнь городской тетки. Если бы не это несчастье, сидеть бы ей, потупив взор, в доме малознакомого бородатого мужчины, казаны чистить, да чай подавать.

Тетка вырвалась в город, когда Шахноза была еще младенцем, сменила платок и юбку на брючный костюм, оторвалась от корней и занялась швейным бизнесом. Родственники говорить о ней не любили, на праздники не приглашали, но от подарков никогда не отказывались. Все привыкли к тому, что она сильная, как мужчина. И когда она позвонила однажды отцу Шахнозы и сообщила, что тяжело больна, отец, ни секунды не медля, сразу сказал ей все, что думает на этот счет: «Аллах всемогущий учит таких дур, как ты, хворью. Место женщины за мужем. Счастье ее — в семье. Это тебе наказание за глупость». Сказал он это в сердцах, зло и удивито, но на следующий день после намаза расчувствовался, все-таки единственная сестра, и отправил в город старшую дочь.

Пятнадцатилетняя Шахноза приехала к тетке ненадолго, но, как это обычно и случается, порядком задержалась. На семь лет. Все думали, пару месяцев, в крайнем случае, год осталось жить их неверной родственнице с плохой кармой. Но то ли тетка наврала про свою болезнь, то ли Аллах смилостивился, а на тот свет собираться она перестала буквально сразу после того, как племянница переступила порог ее шикарной квартиры.

— Ягодка ты моя, кровь родная! Копия отца, надо же! Посмотри в зеркало — у нас с тобой даже родинка, как в кино индийском — на одном месте на щечке. Хвала Аллаху! Я для тебя все сделаю! Вот ведь заживем мы с тобой! — Такой речью встретила тетка Шахнозу, обниматься кинулась, разрыдалась. И как-то все ясно стало деревенской девочке. Одиночество такая штука, что и золотом не откупишь-ся. Жалко ей стало тетку...

Окончив городскую школу, Шахноза поступила в университет на факультет журналистики. У нее, маленькой, стеснительной девочки, не было ни особых талантов, ни рвений. Она толком не могла объяснить, чего хочет от жизни и каким видит свое будущее. Но у нее была активная, уверенная в себе тетка со связями... Почему из всех имеющихся связей тетка предпочла связи телевизионные, было известно ей одной. Может, хотела видеть племянницу в телевизоре...

И вот теперь Шахноза сидела в углу редакторской и в очередной раз сгорала от стыда за действия женщины с прической сельского мальчишки.

В кабинет вбежала секретарша шефины с малиновым лицом, сообщила, что «звонят оттуда», и шефиня, обеда обреченным взглядом присутствующих, с видом животного, которого повели на убой, вышла из кабинета.

— Ну, че, Валер. Капец тебе. Вернешься на бантики, — не глядя в Валеркину сторону, заключил выпускающий.

— А че, в бантиках тоже есть своя прелесть. Наконец сниму байкеров и ночных гончиков, — сделав мечтательное лицо, соврал Валерка.

Никто из добравшихся до паркета не желал опускаться ниже, потому как все знали — взобраться на Олимп дважды практически невозможно. После падения люди либо уходят с канала, либо начинают пить. За полгода работы на телевидении Шахноза увидела больше, чем за всю свою жизнь. Она, робкая и тихая, пришлась ко двору телеэфира. Все, что от нее требовалось — это молчать, бегать с поручениями, не замечать высокомерия и хамства. Уж чему-чему, а этому она была научена с детства и потому чувствовала себя здесь как дома.

— Хотя, Валер, у тебя есть шанс... Трахни Филипповну, авось и выживешь... — Алексей Степанович сказал это, чуть скривив губы. На лице его появилась брезгливость, в глазах — азарт. Он стянул пепел в цветочный горшок и растегнул верхнюю пуговицу на рубаше.

Шахнозка больше не могла оставаться глухонемой и стремглав вылетела из редакторской. Она была здесь никем. К ней никак не относились. Она помнила наставления Светланы Филипповны: «Слушай и смотри. Запоминай и молчи. Когда придет время, скажешь. А сейчас ты здесь никто. Мебель».

У Шахнозы было двойное отношение к Светлане Филипповне. Она ее во многом не понимала, но уважала как руководителя, ведь на работе она была почти суперменом — женщиной, жеманство же при встрече с теткой, когда Светлана Филипповна вдруг перевоплощалась в нечто голливудское и строила из себя куклу, выводило Шахнозку из себя. Она все пыталась понять, зачем двум состоявшимся женщинам строить из себя пэтэушниц, накручивая важность, имитируя звездность. Встречались они только в ресторанах или салонах красоты — всегда расфуфыренные, ненастоящие.

— Нигора, не могу поверить, что мы выбрались. Представляешь, так и не успела купить себе букетик тюльпанов. Вечно не успеваю сделать две вещи — пройтись по опавшей листве и купить тюльпанов. Когда появляется время, тюльпаны уже отцветают, а листву засыпает снегом...

При подобных откровениях Светлана Филипповна обычно звонко смеялась и заглядывала в глаза тетке.

— Светочка, как же я тебя понимаю. Абсолютно то же самое. Но не расстраивайся, хочешь тюльпанов — будут. Закажу, специально для тебя вырастят, и на недельке прямо в офис подвезут.

В такие моменты тетка напоминала Шахнозе армянина с рынка. У нее и усики под большим носом имелись, только широкополой кепки не доставало.

— Ой, да что мне потом с твоими тюльпанами делать, завянут же, только в руки возьму, — будто с гордостью щебетала Светлана Филипповна, располагаясь для процедур в кедровой бочке.

— Как твой сладкий сынуля? Ему же через неделю два года? Мужик! — смеялась завернутая в шоколад тетка.

— Не спрашивай. Неделю отхожу от общения. Это будет посложней, чем вести предвыборные дебаты. В прошлые выходные впервые осталась с ним наедине, отпустила няню. Думала, не выживу. Серьезно, чуть с ума не сошла. Просто не знала, с какой стороны подойти к этому человеку, о чем поговорить. У меня, кажется, седой волос появился к вечеру.

— Да ладно. Дети — это счастье. Я вот нарадоваться не могу, что у меня есть теперь Шахноза. — говорила тетка, не обращая внимания на завернутую в такой же шоколад племянницу. Она брала ее с собой повсюду, но условия были теми же, что и на телевидении — слушать и смотреть, но молчать и быть никем...

— Да, она у тебя молодец. Очень быстро влилась в коллектив. Ты же знаешь, как наши циники с молодняком. Отпинают, вытрут ноги, выбросят. А Шахноза крепень, зацепиться не за что. — Светлана Филипповна прикрывала глаза от удовольствия и говорила полусшепотом. — Свет, так посадила бы уже ее в эфир, — подводила жирную черту под разговором тетка.

— И посажу, Нигорка. Не бойсь. Мы своих не бросаем... Только чуток раскованности бы ей. Глаза пугливые. А ты же знаешь, надо такие, чтоб плюнь в лицо, обтерлась и читает дальше.

— Ну, это с опытом придет, Светка. Себя будто не помнишь. Такой же была... А сейчас, действительно, плюнь в лицо...

— Ну и змеюка же ты...

Они дружно, по-лошадиному ржали, а Шахнозка жмурилась и отворачивалась к стенке. Почему-то именно в такие моменты ей невыносимо хотелось домой к маме...

Из всех больших и светлых комнат родительского дома ей чаще всего вспоминалась кухня — комната, где большую часть времени проводила мать. Где все время что-то урчало, шваркало и дымилось, где было всегда хорошо и спокойно, где натруженные, умелые руки мамы творили добро и дарили любовь. Все детство Шахноза провела рядом с большим круглым столом, на котором всегда были самые разные виды теста. Вместе с мамой они резали лапшу, тянули лагман, делали самсы, лепешки, пироги, манты. Сколько всегда у мамы было дел, и какой при этом она была счастливой. Ни разу за всю свою жизнь, там, в деревне, Шахнозе не приходила в голову мысль, что мама могла устать, у нее и слова-то такого в лексиконе не значилось. Не было у нее мыслей ни о тюльпанах, ни о шуршащих листьях. Вся жизнь в суете вокруг стола, да в заботе о муже и детях. Бывало, за весь день только чай с лепешкой и успевала перехватить...

Вечером, лежа в шикарной кровати теткиной квартиры, Шахноза часто не могла уснуть и таращила свои огромные черные глаза в натяжной потолок с мерцающими электрическими звездами. Станные мысли рождались в ее длинноволосой голове под их холодным блеском: «Неужели ради этих искусственных звезд ушла я из дома? Неужели так примитивны люди, что в конечном итоге возвращаются к тому, от чего бежали?»

Первое время, оказавшись в городе, она была так счастлива, что избавлена от тяжелой работы, что у нее теперь своя собственная комната, собственный компьютер и телефон, что даже не ощущала потребности в общении с мамой. Она ездила вместе с теткой к родителям несколько раз в год, но так как тетку в селе недолюбливали, встречи эти были быстрыми и сухими. Шахнозе казалось, что и по ней особо никто не скучает. Она даже злилась на родных и мстительно обещала себе больше не вспоминать о деревне. Позже тетка убедила ее, что мать с отцом только облегченно вздохнули, отделавшись от лишнего рта.

— Если бы ты была мальчиком, сама понимаешь, все было бы иначе, а так с тобой одни проблемы, нужно приданое готовить, да жениха приличного искать. И с каждым годом спрос на тебя все меньше, а головной боли у родителей — больше.

Один-единственный раз, приехав с теткой на никах младшей сестры, Шахноза решила с разговором с матерью. Мать, сгорбившись, сидела у сундука с приданным сестры и тихо плакала, перекладывая вещи.

— Шахноза, ты должна была быть первой. Плохая это примета, — она зажала в губах кончик платка и зажмурилась, будто боясь, что их кто-то услышит.

— Мамочка, ты и вправду считаешь, что предназначение женщины — это только семья? — Шахнозе впервые стало невыносимо жаль мать, рано состарившуюся, ничего не видевшую в жизни кроме своей кухни.

— Девочка моя, я не знаю, как правильно. Думаю, даже отец не знает. Ты не сердись на него. Он ведет себя так, как принято. Не обижайся, когда не разговаривает с тобой, — после каждого предложения мать делала длинную паузу, вытирала предательскую слезу, сглатывала свою боль. — Он, как ты уехала, вообще редко разговаривает. Выйдет утром на дорогу, смотрит в сторону города. Он ведь тебя больше всех любит. Гордится твоими успехами.

Шахноза сама не заметила, как в одно мгновение перевоплотилась в зеркальное отражение матери — приняла ее позу, сложила, как она, свои руки, сдвинула брови. Из глаз ее покатились такие же крупные соленые капли.

— Мамочка, почему ты никогда не говорила мне об этом...

— Разве можно все объяснить словами? Да и нужно ли... Любой родитель желает своему ребенку счастья.

— Мамочка, а ты счастлива? — задала Шахноза свой главный вопрос.

— Да, доченька, я совершенно счастливый человек, — ответила ей мать. — Счастье — оно не приходит и не уходит. Оно либо есть в человеке, либо его нет. И не важно, мужчина ты или женщина, в городе ты живешь или в деревне, во дворе или в мазанке. Счастье — это когда знаешь, кто ты и тебе за это не стыдно...

Мать перестала плакать и улыбнулась незнакомой Шахнозе улыбкой. Шахноза почувствовала себя ребенком, прочитавшим свою первую книжку. И пять лет учебы в университете, общение с профессорами, толстые книжки и красивые фразы знаменитостей оказались ничем — всего лишь яркими фантиками в сравнении с простыми понятными словами сельской женщины — ее матери...

Вечерняя планерка была короткой. Светлана Филипповна, не поднимая глаз от записей в своем блокноте, раскидала план на завтра. Алексей с облегчением выдохнул. О нем не было сказано ни слова. Это внушало надежду на то, что хотя бы половина премии останется в его кармане и с помощью шабашки можно будет покрыть кредит за этот месяц.

Валерке объявили о том, что завтра у него интервью с министром образования. Он оценивающе обвел стан Светланы Филипповны и представил ее обнаженной. От этого ему стало весело и он начал перебирать в голове связи на других каналах.

Когда в конце планерки Светлана Филипповна объявила, что завтра на дневные новости выходит Шахноза, за окном пошел мелкий дождик. Валерка язвительно отпустил: «Да здравствует протекция!» Остальные лениво зааплодировали, принимая ее в команду.

Шахноза ощутила свою безучастность ко всему происходящему. За эти несколько месяцев она так устала от этой тщеславной и самовлюбленной компании людей, что ей уже было совершенно все равно, мыть тут полы или вести новости. Она не почувствовала ни радости, ни азарта.

Светлана Филипповна поправила свои несуществующие локоны и улыбнулась краем губ. Она знала, что делает правильную ставку. Вкладываться нужно с умом. На телевидении способны задержаться только одинокие люди. Телевидение их заполнит до краев. Выпьет всю кровь, вытрясет душу. Станет единственным другом и врагом. Это так важно — найти настоящего телевизионного человека...

— Будем делать из тебя звезду, — выходя из редакторской, сказала Шахнозе Светлана Филипповна. Шахноза смотрела в окно, дождь усиливался. Она знала, что звезды бывают только в небе. А также она знала все про себя, и ей за это не было стыдно.

